

К концу 90-х годов возникла, как представляется, крупная научная и общественная проблема, связанная со сложившимися в РФ стереотипами восприятия современной азиатской действительности. В менталитете деловых, административных и даже части научных кругов вполне закрепилось представление о том, что экономический опыт Азии не подходит России - в силу ее географических, культурно-цивилизационных и некоторых других особенностей. По мнению автора (противоположном указанным представлениям), бытующие на сей счет взгляды порождены главным образом пробелами в информационном обеспечении и несовершенством образовательных курсов учебных заведений. Предполагается, что в работе удастся показать однотипность ряда проблемных ситуаций в России, Китае и азиатских странах на разных этапах их развития и, следовательно, возможность решения некоторых наших внутренних экономических проблем с использованием зарубежного опыта.

ГЛАВА 1

МИРОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКА КИТАЯ

В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

§ 1. Особенности формирования мирохозяйственного курса КНР

В 90-е годы и особенно с возникновением кризиса в ЮВВА во второй половине десятилетия контраст в экономической динамике Китая и значительной части остального мира проявился в полной мере (табл. 1, 2; приложения, табл. 1, 2). К этому времени накопилось достаточно оснований полагать, что экономические успехи Китая говорят о господстве в этой стране более осторожного, глубокого и целостного взгляда на хозяйство и внешнеэкономические связи, чем тот, что предлагают современные неоклассические доктрины западного происхождения, которые в экономической литературе в последние годы обычно называют ортодоксальными. Тем более, что именно с ортодоксией (особенно институциональной - исходящей от международных финансовых организаций) в конце 90-х годов стали все чаще связывать причины перманентных кризисов в группе "переходных" государств и выявившихся трудностей в развитии новых индустриальных стран²². В этом смысле характерны и размышления о причинах кризиса одного азиатского финансиста: "Кризис не только наша вина - иностранные банки, преждевременная глобализация рынков капитала и «горячие деньги» сыграли свою негативную роль...Рынок капитала превратился в азиатское Эль-Дорадо: выражения «акционирование», «приватизация», «связи в правительстве» стали современными аналогами фразы Али Бабы «Сезам, откройся» с той

²² Симония Н.А. Уроки китайских и южнокорейских реформ// Вестник РАН. 1998. ¹ 8.

разницей, что разбойников оказалось куда больше сорока...Беспрецедентное, исступленное потребление предметов роскоши захватило регион безо всякой оглядки на то, какие на это тратятся средства...В Индонезии существовала возможность брать займы доллары под процент, более низкий, чем тот, что выплачивался по рупиевым вкладам. Поэтому многие прежние создатели стоимостей занялись спекуляцией, что обернулось катастрофическими последствиями, когда рупия рухнула"²³.

В самых различных изданиях теперь все чаще можно встретить и мысль об уникальности экономической стратегии Китая. И для этого также есть некоторые очевидные основания, если иметь в виду резко выраженные отличия китайской хозяйственной теории и практики от того, что постулируется и применяется в так называемых переходных странах, НИС, да и развитых государствах. В частности, представители "новой волны" в китаеведении Л.Ларуш и его коллеги подчеркивают органичность успехов КНР, основанных на критическом восприятии всех современных зарубежных экономических концепций. Давно разделяемая многими китаеводами идея о том, что Китай процеживает, а затем поглощает западные теории, подходя к ним очень избирательно, была одновременно использована Л.Ларушем для азартной атаки равновесных экономических теорий А.Смита, К.Маркса и всей неоклассики.

Таблица 1

Прирост ВВП (1998, %) и его размер относительно 1989 г. (%)

Страны	Прирост ВВП	ВВП к 1989	Страны	Прирост ВВП	ВВП к 1989

²³ Lim Say Boon. Recovery Starts at Home// Far Eastern Economic Review. 01.04.1999. P.45.

Болгария	4,0	66	Азербайджан	6,7	42
Венгрия	4,6	95	Белоруссия	5,0	75
Латвия	4,0	58	Грузия	9,0	35
Литва	3,0	63	Казахстан	1,0	63
Македония	5,0	59	Киргизия	4,0	60
Польша	5,2	118	Молдавия	-2,0	35
Румыния	-5,0	78	Россия	-5,0	55
Словакия	5,0	100	Таджикистан	3,0	41
Словения	4,0	103	Туркмения	5,0	44
Хорватия	4,2	79	Украина	0	37
Чехия	-1,0	97	Узбекистан	2,0	88
Эстония	5,0	77	Китай	7,8	235

Источник: БИКИ. 05.01.1999 (данные ЕБРР).

Таблица 2

Прирост ВВП (%)

Страны	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999*
Южная Корея	6,0	9,1	9,0	7,1	5,5	-5,3	9,8
Индонезия	6,5	16,0	8,2	8,0	4,7	-13,9	-0,4
Малайзия	8,3	9,2	10,0	8,5	7,8	-8,1	5,2
Сингапур	10,4	10,0	8,7	7,3	7,5	-0,8	5,0
Таиланд	8,4	9,0	8,9	5,5	-0,4	-8,0	3,7
Гонконг	6,1	5,5	3,8	5,0	5,3	-5,7	0,6
Тайвань	6,3	6,5	6,0	5,7	6,9	3,7	5,3
КНР	13,5	12,6	10,5	9,7	8,8	7,8	7,3

*Оценка. Источник: Far Eastern Economic Review: 29.04.1999. P.72; 30.12.1999-06.01.2000. P.114-115.

К чести Л.Ларуша и его коллег следует отметить, что они предложили один из самых ранних теоретических прогнозов кризисных явлений в мировом хозяйстве, широко распространившихся во второй половине 90-х годов. Поэтому стоит

воспроизвести некоторые общие позиции, с которых эта группа экономистов критиковала современную западную ортодоксию, подчеркивая в том числе ценности физической (реальной) экономики. "Важнейший урок, который должен извлечь каждый образованный человек из происходящего сейчас развала мировой экономики в целом, состоит в том, что всякий раз, когда физическим процессом, таким как экономический, управляют идеи, математическое представление которых является энтропийным, результатом будет развал любого процесса, который регулируется таким способом...настойчивое, все усиливающееся и целенаправленное навязывание все большей части мировой экономики идей Джона Локка, Адама Смита и других является главной причиной нужды и хаоса, распространяемых в Соединенных Штатах и во всем мире в течение последней четверти столетия"²⁴.

Популярный у китайских экономистов Н.Д.Кондратьев, пожалуй, представил более основательные аргументы ограниченности равновесных представлений о хозяйстве. Известный исследователь его творчества Ю.Б.Кочеврин отмечает: "Кондратьев всячески дает понять, что марксистская концепция капиталистического хозяйства в своей целостности остается в кругу идей экономического равновесия, как они сложились в политической экономии XIX в.,...среднюю прибыль Кондратьев рассматривал как категорию экономической статики, выражающую закономерности стационарного хозяйства, экономического равновесия. Поэтому он не считает возможным рассматривать проблему средней прибыли в той же системе идеальных

²⁴ Ларуш Л. Физическая экономика. М.: Научная книга, 1997. С.83.

(абстрактных) представлений, что и проблему накопления. Для него как ученого эти две проблемы - средней прибыли и накопления - принадлежат к разным разделам экономической теории: статике и динамике. Поэтому, взятые в одной системе понятий, они логически несовместимы. Там, где есть накопление, не может действовать закон средней прибыли"²⁵. Из приведенных цитат применительно к теме работы напрашивается простой вывод: экономика Китая с теоретической точки зрения в последние двадцать лет находится как бы в "динамике", а значительная часть хозяйств остального мира в "статике".

Исключение, конечно, составляют страны ЮВВА, демонстрировавшие вплоть до 1997 г. столь же высокую экономическую динамику. Попытки объяснить этот феномен воплощением в практику либеральных подходов и ростом эффективности, предпринятые, в частности, в докладе Мирового банка²⁶ были, как известно, подвергнуты сокрушительной критике со стороны ряда ведущих западных экономистов - П.Кругмана, А.Амсден и др., не говоря уже о специалистах из азиатских стран²⁷.

Критикуя нынешнюю ортодоксию и разбирая вопрос о чрезмерной роли идей свободной торговли как одной из главных

²⁵ Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз. М.: Наука, 1991. С.48-49,109-110, 448, 451.

²⁶ East Asian Miracle. World Bank. Oxford and New York: Oxford University Press, 1993.

²⁷ Krugman P. The Myth of Asia's Miracle// Foreign Affairs. 1994. Vol 76. No.6; Amsden A. Why Isn't the Whole World Experimenting with the East Asian Model to Development?// World Development. 1994. Vol.22, No.4.

причин нынешних кризисных явлений в мировой экономике, школа Л.Ларуша (известная и пропагандируемая в Китае) часто базирует свои идеи на примерах из китайской практики 80-90-х годов. С другой стороны, "новая волна" в синологии иногда представляет и прямо противоположные интерпретации китайских экономических успехов в последние два десятилетия, объясняя достижения страны последовательно либеральным подходом Пекина к хозяйству и даже приравнивая известный восточный принцип недеяния (у вэй), якобы лежащий в основе этого подхода, к западному аналогу - "laissez faire", игнорируя двухтысячелетнюю разницу в появлении на свет указанных подходов.

На мой взгляд, нынешние хозяйственные и внешнеэкономические достижения КНР достаточно и вполне правомерно отнести на счет ее стратегии и политики, господства народнохозяйственного подхода в теории и практике, а также критического отношения к современному либерализму, особенно в сфере экономических связей с зарубежными странами, постепенности внутренних китайских реформ. В части либерализации КНР явно не торопилась догонять страны ЮВВА, столь же явно превосходя их в другом - наращивании непосредственной хозяйственной и организационной мощи государства, особенно заметной во внешнеэкономической сфере.

Тезис же об уникальности хозяйственной стратегии Китая вряд ли справедлив, поскольку критическое восприятие западных экономических доктрин в этой стране не является чисто китайским феноменом. Это явление в той или иной мере характерно для истории хозяйства всех азиатских стран после второй мировой войны. Говоря же о современном либерализме (ортодоксии), то,

пожалуй, следует заметить, что как раз его скептическое восприятие в Азии, включая ее новоиндустриальный массив (не исключаящее, впрочем, либеральной риторики и заимствования отдельных элементов ортодоксии), оказало важное воздействие на формирование современной политики и практики КНР в хозяйственной и внешнеэкономической области. В какой-то мере Китай оказался лишь наиболее последовательным критиком, поскольку в последние два десятилетия выступал в этой роли, уже имея в качестве примера успешные образцы сильного государственного регулирования и селективного заимствования, в том числе во внешнеэкономической сфере, представленные в опыте азиатских НИС 60-70-х годов. Составлявший определенное исключение в этом смысле Гонконг, в свою очередь, ввиду гигантских отличий от Китая, представлял для Пекина не столько образец, сколько пример хозяйственных условий и политики, совершенно не подходящих для страны в целом. Последнее обстоятельство, естественно, не мешало использовать опыт деловых кругов колонии и лояльных Пекину представителей гонконгского сообщества в разработке и реализации жесткой внешнеэкономической политики. В силу значительных экономико-географических различий не представлял для КНР большого интереса и опыт Сингапура. А вот опыт Южной Кореи, Тайваня, а также Японии и ФРГ (50-60-х годов) оказался под особо пристальным вниманием китайских экономистов в 80-е годы.

Возрождение и модернизация традиций в Китае 90-х годов, как и во многих странах-соседях десятилетием раньше, обратило на себя пристальное внимание в научной литературе. Наличие в Китае своеобразной, исторически преемственной и высокой

стратегической культуры подчеркивается теперь специалистами самых различных направлений. Под своеобразием нередко имеют в виду иные (незападные) основания культуры, ее специфические генерирующие и ассимиляционные возможности. В свою очередь, одной из главных черт традиционной культуры Китая принято считать ее цельность. Важнейшей же составляющей целостного мировосприятия и действия выступает понятие "принципа" (ли). В традиционном Китае, как указывают некоторые востоковеды, "теория и практика управления государством, политика, экономика, военное дело базировались на тех же принципах, что и живопись, стихосложение"²⁸.

Хорошо известен тезис о несводимости китайской науки к западным аналогам²⁹. Об этом же писал К.Г.Юнг: "Мы еще не вполне осознали, что теософия есть любительская, поистине варварская имитация Востока... Восточные тексты тысячелетней давности дают нам образ философского релятивизма, а идея индетерминизма, только что появившаяся на Западе, является фундаментом китайской науки"³⁰. По вопросу о соотношении китайского и западного начал существуют разные мнения. А.В.Виноградов считает, что китайский традиционализм представляет собой вызов линейно-прогрессистской модели

²⁸ Милянчук А.О. Ратные традиции Китая в контексте учения о "вскармливании жизни" (Яншэнсюэ)// Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение. 1998. № 3. С.39.

²⁹ Ломанов А. Рецензия на монографию А.И.Кобзева "Учение о символах и числах в китайской классической философии"// Проблемы Дальнего Востока. 1994. №5. С.168.

³⁰ Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С.106.

истории, парадигме поглощения "традиционного" "современным". Г.Д.Сухарчук, как мне кажется, более справедливо полагает конфуцианство и "более универсальной цивилизационной предпосылкой линейно-прогрессивного развития"³¹. Более современный пример принципов-установок можно найти и в такой цитате: "За долгие годы в Китае оформились три основных политических установки в области экологии, а именно: "приоритет - предотвращению, сочетая предотвращение с усилением", "устранять загрязнение руками виновников", "усиливать управление окружающей средой". Введена система из восьми правил управления экологией"³².

Казалось бы, все это не имеет прямого отношения к такой сфере современной деятельности, как внешнеэкономическая политика. Традиционное наследие вряд ли может непосредственно проявиться в директивах министерств, содержании контрактов, переговорной практике или сегодняшней бизнес-этике, хотя в последние годы было опубликовано немало работ, объясняющих успехи Китая его исторической спецификой и посвященных, например, плодотворному воплощению в деловом поведении китайцев конфуцианского архетипа.

Следует, вероятно, с осторожностью вводить в анализ современной экономической жизни теоретические категории из традиционной китайской философии, учитывая и то простое обстоятельство, что качественный сдвиг в положении КНР в

³¹ Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 4. С.142.

³² Се Чжэньхуа (Начальник Главного государственного управления охраны окружающей среды КНР). 50 лет охраны окружающей среды в Китае// Общество и экономика. 1999. № 9. С.33.

мировом хозяйстве, подготовленный полутора десятилетиями "открытой политики" и пришедшийся на 1997-1998 гг., имеет относительный характер. Он произошел не только в силу проявившейся прочности китайской экономики, но и в результате резкого (и тоже относительного) ухудшения ситуации у соседей по ЮВВА, в том числе "конфуцианских".

Речь, вероятно, должна идти о некотором воздействии на формирование текущей политики и долгосрочной стратегии разработок в области синтеза "традиционного и современного", выводов ученых о развитии в Азии "конфуцианского капитализма (социализма)", результатов многочисленных научных конференций. Нередко на таких форумах зарождаются новые установки-принципы либо (гораздо чаще) дополняются или по-новому интерпретируются уже действующие. Один из свежих примеров - появление идеи "одно государство - три системы" в качестве возможной уступки Пекина в решении тайваньской проблемы. Активный поиск в истории аналогов нынешних ситуаций или даже образцов, которым можно было бы следовать, опрокидывая прямолинейные представления о конфликте между традициями и современностью, свидетельствует о растущей цельности китайского мировосприятия.

Чтобы лучше понять связь современности с оживающей традицией, есть резон обратить внимание на прямые аналоги конфуцианских принципов (ли) в послевоенной хозяйственной стратегии КНР, аналогов в том смысле, что они играют идентичную социально-экономическую и политическую роль, объединяя и ориентируя население на достижение конкретных целей.

Среди такого рода принципов есть явные долгожители, например, популярная в послевоенной Азии идея опоры на

собственные силы, есть и сравнительно недавно сформулированные установки, скажем, "расставаясь с земледелием, не расставаться с деревней", "вся страна - одна шахматная доска", "регулирование рынка со стороны государства, направляющее воздействие рынка на предприятия" и т.д. Такого рода тщательно проработанные и предельно простые идеологемы оказывают сильное воздействие на формирование системы производительных сил страны, ее взаимодействие с внешним миром, решение остро ощущаемой проблемы занятости, ход процесса урбанизации. Ведь помимо всего прочего, эффективность попыток управлять гигантским хозяйством во многом зависит от ясности предлагаемых мер, их доступности пониманию кадров всех звеньев и уровней, а также большинства населения, в том числе крестьянского массива. Его значительное численное преобладание в быстро модернизирующейся стране существенно отличает Китай (в том числе психологически) от ряда соседей по ЮВВА, прошедших по так называемому новоиндустриальному пути.

Ограниченность земельных, водных и энергетических ресурсов страны, исключительная острота проблемы демографической нагрузки на них, а также экологических проблем - неизменный лейтмотив китайских СМИ, экономических исследований, партийных установок и правительственных документов. Этот идеологический (мировоззренческий) пресс придает значительное своеобразие всему природно-экономическому пространству (в самом широком смысле слова), в котором работает хозяйственный менталитет жителей огромной страны. Он остается восприимчивым к политическим установкам. Откровенно алармистский характер носили и носят многие публикации по

внешнеэкономической проблематике. Так, во второй половине 80-х годов, отмечая ослабление вероятности мировой войны, некоторые китайские авторы указывали на то, что данное обстоятельство не снимает с повестки дня факт резкого ужесточения конкуренции в мировом хозяйстве: "Вероятность новой мировой войны невелика, однако на наших глазах, проникая во все уголки земного шара, стремительно разворачивается мировая экономическая война - и от нее никуда не денешься"³³. Хорошо заметен контраст с оптимистичными ожиданиями советских международников того времени по поводу перспектив расширения участия страны в мировом хозяйстве.

Замечу, что характерная черта современных китайских аналитических работ по международной и внешнеэкономической политике КНР - вынесение в первую часть "принципов политики", где инвентаризируются, как правило, в кратком историческом контексте, общие установки, касающиеся исследуемой темы. В качестве примера сошлюсь на изданную в России работу Ли Дуо³⁴. Весьма характерна в этом отношении и недавно переведенная работа Ширли В.Ю.Го. Приступая к характеристике экономической политики Тайваня, она отмечает: "Последовательно прагматичная экономическая политика страны опиралась на определенные, глубоко укоренившиеся философские принципы Китая. Эта

³³ Ван Цзикуань. Предисловие к монографии Лу Линьшу: Вай сяньсин цзинцзи юй Чжунго цзинцзи фачжань (Открытые экономики и развитие хозяйства Китая). Пекин, 1988. С.V.

³⁴ Ли Дуо. Проблемы и перспективы экономических отношений КНР с Сянганом (Гонконгом) и Тайванем. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

идеология просматривается в таких популярных фразах, как "рост при равенстве" и "рост со стабильностью"³⁵. Типичен в этом плане и доклад экспертов МВТЭС, Канцелярии по делам Сянгана и Аомэня Госсовета КНР и Пекинского университета - "Принципы и концепция", подготовленный в связи с переходом Сянгана под китайский суверенитет³⁶.

Из прошлого хорошо известны восемь принципов оказания экономической помощи развивающимся странам, провозглашенные в 1964 г. Чжоу Эньлаем и регулярно упоминаемые в современных официальных заявлениях (впоследствии их дополнили четыре принципа экономического сотрудничества, сформулированные в ходе визита в африканские страны в декабре 1982 - январе 1983 гг. тогдашнего премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна, однако в современных публикациях они упоминаются довольно редко).

Поэтому представляется важным выделить некоторые общие принципы, которые, на мой взгляд, хорошо прослеживаются во внешнеэкономической деятельности Китая последнего двадцатилетия, имеют корни в традиции и отражают положение страны в Азии. Они обеспечивают взаимосвязь стратегии, политики и практики, а также различных уровней организации экономического управления. Благодаря им складывается довольно стройная система адаптации страны к мировому хозяйству, представленная ниже в самых общих чертах.

Начну с уже упомянутого принципа опоры на собственные силы - явной установки стратегического уровня. По частоте

³⁵ Го Ширли В.Ю. Экономическая политика Тайваня. М.: ИСАА при МГУ, 1999. С.9-10.

³⁶ Гоцзи маои. 1997. ¹ 6.

упоминания в публикациях на внешнеэкономические темы этот принцип - не лидер, как и его относительно более свежий аналог "гочаньхуа" (создание собственного производства внутри страны или его локализация), уступая "политике открытости внешнему миру". Однако он не покидает страниц установочных документов. Характерна следующая цитата, раскрывающая содержание упомянутого принципа: "В КНР долгое время делается акцент на самообеспечении, опоре на собственные силы. Можно сказать, что это - *не только государственная политика, но и естественный ход вещей* (выделено мной - А.С.), обусловленный реальностью. Независимо от того, какими в будущем будут темпы роста, внутри страны будет создаваться подавляющая часть ее национального продукта. Ни спрос на иностранные капиталовложения, ни зависимость от внешних рынков не вырастут до слишком высокой степени. Китай потому опирается и будет опираться на собственные силы, что в этом - гарантия стабильного и поступательного хозяйственного развития"³⁷.

Комментируя выступление на сессии ВСНП весной 1986 г. тогдашнего премьера КНР Чжао Цзяна, известный исследователь экономики Китая Н.Ларди находит "поразительными" призывы китайского руководителя "прилагать все усилия к тому, чтобы производить в стране все что возможно", "максимальному замещению импорта" и т.д. Американский специалист усматривает противоречие между этими призывами и обозначенной в докладе Чжао Цзяна потребностью повышать конкурентоспособность

³⁷ Essays on World Affairs in the 1980's. Beijing, 1986. P.153.

страны на внешних рынках³⁸. В современных высказываниях китайских руководителей принцип опоры на собственные силы нередко присутствует и в формулировках "сравнительно целостная промышленная система", "сравнительно целостная система народного хозяйства"³⁹.

Можно во многом согласиться с авторами, считающими, например, политику "иностранное на службу Китаю", в том числе привлечение иностранных инвестиций "тактической линией, лежащей на фундаменте сталинистской стратегии опоры на собственные силы, преимущественном внимании к производству средств производства"⁴⁰. Однако не следует забывать, что китайские авторы в 80-е годы нередко называли советскую экономическую модель "традиционно-сталинской" и при этом - "стыдливой в теории и трусливой на практике", когда речь заходила об использовании рынка, в том числе внешнего.

Лучше, вероятно, все-таки говорить об определенном синтезе открытости и "опоры" при преобладании в стратегии одной из них. Неточно, разумеется, относить опору на собственные силы к китайской специфике или только сталинизму. Например, аналогичная по содержанию индийская концепция "свадеши", как известно, была выдвинута еще Махатмой Ганди и с тех пор не выходила из экономического арсенала Индии. Здесь уместно

³⁸ Lardy N.R. China's Entry into the World Economy. N.Y., L.: University Press of America, 1987. P.44-45.

³⁹ Чжу Жунцзи. Китай, вступающий в XXI век// Общество и экономика. 1999. ¹ 9. С.5.

⁴⁰ Chow P.C.Y. Foreign Enterprises in Mainland China: Integration or Isolation// Issues & Studies. 1995. No 7. P.93.

вспомнить, что в китайской традиции чередование "открытости" (кай) и "закрытости" (хэ) подчинено задаче генерирования "внутренней силы" (цзин)⁴¹.

Следует заметить, что Китай располагает необходимыми природно-географическими предпосылками для осуществления отмеченного выше принципа. Практически все из 150 известных видов полезных ископаемых встречаются на его территории. Разведанные запасы урана - крупнейшие в мире, так же как вольфрама, цинка, лития, тантала, ванадия и титана, сосредоточенные в основном на юге страны. Там же находятся основные запасы олова, по которым, как и по запасам меди, Китай занимает второе место в мире. Во Внутренней Монголии расположены крупнейшие на Земле месторождения редкоземельных и рассеянных элементов. Сера, каолин, асбест, бор и фосфор - нерудные ископаемые, самыми богатыми запасами которых также располагает КНР.

Замечу предварительно, что пока не сбылся практически ни один долгосрочный или среднесрочный прогноз конца 80-х - начала 90-х годов относительно превращения КНР в очень крупного импортера - ни по жидкому топливу и электроэнергии, ни по продовольствию, ни по растительному сырью, ни по удобрениям, ни по стали и прокату, ни по цветным металлам. Более того, существенно повысился уровень самообеспечения Китая по перечисленным товарным группам (за некоторым исключением жидкого топлива - подробнее см. главу 2), а по многим перечисленным выше позициям КНР стала в 90-е годы регулярным

⁴¹ Малявин В.В. (Составитель). Китайская наука стратегии. М.: Белые альвы, 1999. С.191.

нетто-экспортером. Упомяну в качестве примера резкое наращивание экспорта в 1995 г.: вывоз стальных заготовок увеличился на 635%, проката - на 215%, кокса - на 142%.

Контроль за внутренним рынком позволяет успешно претворять в жизнь принцип опоры на собственные силы. В ходе кризиса в ЮВВА в 1997-1998 гг. стал особенно очевидным тот факт, что зависимость китайского экспортного сектора от поставок импортных компонентов и материалов в целом значительно ниже, чем у соседних стран. Более того и в наши дни не редкость меры, явно идущие вразрез с представлениями о приоритете ценовой эффективности и сравнительных преимуществ. Так, в 1999 г. Аньшаньский металлургический комбинат резко сократил закупки железной руды за рубежом и возобновил ее добычу на местных месторождениях, несмотря на, казалось бы, очевидные ценовые проигрыши. Тем не менее, эта мера, возможно, оправдана сохранением рабочих мест, экономией валюты и т.п.

Наконец, самое важное - это безусловное первенство национальных производителей, которое наблюдается практически во всех секторах массового потребительского рынка, в том числе выпуске товаров длительного пользования: легковых автомобилей, мотоциклов, мотороллеров и велосипедов, холодильников, стиральных машин, кондиционеров, цветных телевизоров, компьютеров и т.д.

Сказанное ни в коей мере не умаляет китайских достижений в области активизации внешнеэкономических связей, усиления их гибкости, использования выгод международного разделения труда. Эти направления политики с современной китайской точки зрения не противоречат идее самообеспечения.

Здесь отчетливо проявляется второй принцип, который следует выделить - совмещения, непротиворечивого единства, или "два в одном" (его в философской литературе иногда также называют принципом непротивопоставления). Данная установка ориентирована непосредственно и на практический уровень, крайне важный, поскольку практика понимается и как один из критериев истины. Наиболее известная и политически значимая установка такого типа - положение "одно государство - две системы", выдвинутое в начале 80-х годов в качестве пути разрешения сянганской и тайваньской проблемы. Конкретное оформление принципа совмещения во внешнеэкономических терминах хорошо прослеживается на всем материале 80-90-х годов. Приведу несколько выдержек из установочных публикаций на мирохозяйственные темы: "совмещать ориентацию на стоимостную эффективность с получением необходимых потребительных стоимостей", "мы должны использовать регулирующую роль отношений спроса и предложения на рынке, но не можем пустить все на самотек: план, централизованный контроль и управление крайне необходимы", "импортом вскармливать экспорт", наконец, "укреплять опору на собственные силы для большего открытия", "открытием усиливать опору на собственные силы". Заметно также определенное сходство некоторых из упомянутых установок с аналогичными тайваньскими версиями 50-60-х годов: "развивать сельское хозяйство с помощью промышленности", "вращивать (вскармливать) промышленность с помощью сельского хозяйства".

Версией принципа совмещения является управленческий алгоритм "отпустить - зажать (урегулировать)" или "оживить - упорядочить", хорошо прослеживаемый в недавней китайской

истории. Поступательно-возвратный алгоритм практики сближает ее и со стратегией, и с политикой. Типична цитата из размышлений видного экономиста Сюэ Муцяо, относящихся к периоду очередного "зажима" внешнеэкономического регулирования (1986): "Раньше внешнеэкономическими операциями в Сянгане занималась одна компания. Теперь здесь около 200 отделений различных компаний, многие конкурируют между собой, резко снижаются цены экспортных товаров. Когда я в 1980 г. выезжал в Сянган, многие патриотически настроенные соотечественники критиковали тогдашнюю систему организации внешнеэкономических связей. Я разделял их мнение, однако и теперешняя ситуация неудовлетворительна. Возникает потребность усиления единого управления и объединения"⁴². Как известно, вскоре последовали и практические меры, направленные на усиление координации внешнеэкономической деятельности, сужение сферы конкуренции между китайскими организациями.

Характерна и кампания упорядочения (оздоровления) внешней торговли конца 80-х - начала 90-х годов. В ходе нее было ликвидировано свыше 1300 внешнеторговых компаний (более четверти их общего числа), а также введены новые запреты на ввоз ряда потребительских товаров длительного пользования и установлены сверхвысокие (до 200%) пошлины на предметы роскоши. Примечательно, что как раз в этот период Китаю удалось добиться резкого увеличения объема привлеченных в хозяйство прямых капиталовложений из-за рубежа. Это легко понять - не имея возможности пробиться на важный рынок с готовой продукцией,

⁴² Дуйвай маои. 1986. № 3. С.5.

зарубежный предприниматель готов перенести на него производственные стадии.

Обычно для Китая введение пакетов мер, кажущихся сторонним наблюдателям "противоречивыми" или "разнонаправленными". Например, перед началом переговоров о вступлении в ГАТТ в 1986 г. КНР резко подняла импортные пошлины на готовые изделия. В 1996 г. происходило очередное урегулирование внешнеэкономических связей, сопровождавшееся возобновлением диалога с ВТО, прерванного в 1995 г. В ходе этой кампании произошло снижение номинального среднего тарифного обложения ввоза с 35,9% до 23%. Был снят импортный контроль, квоты и лицензии в отношении 176 товарных групп. Одновременно в КНР резко ужесточили контроль за операциями по давальческой переработке сырья и сборке экспортных товаров - в целях борьбы с использованием этого канала для беспошлинного импорта. В частности, было введено правило: импортер товаров для переработки и реэкспорта обязан депонировать в китайском банке сумму, равную пошлине, которая возвращается ему лишь после вывоза готовой продукции.

Снижение ставок пошлин вместе с отменой льгот дало следующий эффект: в 1996 г. поступление пошлин в бюджет увеличилось на 22%, а фактический уровень тарифной защиты по отношению к импорту составил 7,4% - против 3% в 1995 г. За вычетом давальческих и сборочных операций реальный уровень пошлин вырос с 8 до 13,4% (без учета НДС - 17%)⁴³. С 1 октября 1997 г. КНР приступила к новому снижению таможенных пошлин.

⁴³ Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Восточная литература, 1998. С.131.

Это решение касалось 4874 товарных позиций из 6623, внесенных в действующий тариф. Номинальный уровень ставок понизился с 23 до 17%. Остались неизменными пошлины на продовольствие, хлопок и другие сельхозтовары. К 2000 г. Китай, по словам министра внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества, обязался снизить средние тарифы импортных пошлин до 15%, а к 2005 г. - снизить пошлину с промышленной продукции до 10%⁴⁴.

Похожая ситуация имела место осенью 1999 г., когда очередной пакет мер по стимулированию иностранных инвестиций был дополнен введением банковского залога при импорте сырьевых товаров для всех производителей внутри страны - в целях борьбы с контрабандным ввозом стали, пластмасс, синтетических волокон, хлопка-сырца и хлопчатобумажной пряжи. Ставка залога составляет 40% от стоимости ввоза, эта сумма возвращается импортеру после предоставления официального подтверждения об использовании сырья в производственных целях.

Принцип совмещения допускает отклонения от сложившейся практики в порядке исключения, эксперимента. Много писали об отказе КНР от государственной монополии внешнеэкономических связей после того, как в сферу внешнеторговых операций был допущен иностранный капитал. В действительности в середине 90-х годов речь шла об экспериментальном создании крупных внешнеторговых объединений с участием иностранного капитала, причем не любых его представителей, а уже хорошо знакомых китайским властям фирм, прочно встроенных в китайское хозяйство.

⁴⁴ Ши Гуаншэн. Блистательное прошлое, блестящее будущее// Общество и экономика. 1999. № 9. С.47.

Вот как выглядели требования к партнерам из-за рубежа, сформулированные, подчеркну, во *временных правилах*, принятых Госсоветом КНР в сентябре 1996 г. Было разрешено создавать (только в двух СЭЗ - Шэньчжэнь и Пудун) внешнеторговые предприятия с иностранными инвестициями. Минимальный уставный фонд в таких организациях был установлен в 100 млн. юаней, доля иностранного вкладчика должна составлять не менее 29% и не более 49%, руководителем фирмы может быть только гражданин КНР. Иностранный инвестор должен соответствовать еще ряду параметров: иметь объем торговли с Китаем в течение предшествующих подаче заявки трех лет в объеме не менее 30 млн.долл. и такие же по объему прямые инвестиции в КНР. Отдельное требование к зарубежному партнеру - годовой оборот его собственных внешнеэкономических операций как минимум в 5 млрд.долл.

В сугубо индивидуальном порядке пропускают иностранные фирмы и на сильно защищенные сегменты внутреннего рынка Китая. Например, одна из первых зарубежных фирм, работающих в сфере страхования в КНР - американская John Hancock Mutual Life Insurance Co., летом 1999 г. направила очередной инвестиционный пакет (15 млн.долл.) в производство потребительских товаров, выполняя тем самым одно из условий для открытия отделения по страхованию жизни.

Интересен и третий принцип, как мне кажется, не столь явно обозначаемый в мирохозяйственной стратегии Китая. Его условно можно назвать "срединным" и отнести к политическому уровню. Традиционный аналог принципа можно найти, например, в одном из "пяти возвращений" в Чжэнькунцзяо ("учение об истинной

пустоте"): "никуда не отклоняться, не иметь слишком много и не иметь недостаточно"⁴⁵.

Важные компоненты принципа срединности - умеренность, сбалансированность и пропорциональность различных элементов в системе. Разумеется, речь идет не о мертвых пропорциях равновесия классических и ортодоксальных экономических теорий - а о соотношениях между растущими, динамичными секторами и отраслями хозяйства, когда диспропорция, сдвиг первичны, а усреднение ("возвращение") выступает как важная, не обязательно быстро достигаемая цель, оправдывающая, помимо прочего, соответствующую деятельность центра, его место в иерархии.

Без особых натяжек нынешнюю парадигму роста (развития) в КНР, как уже отмечалось, можно было бы назвать народнохозяйственной, комплексной. Хозяйство Китая при этом представляет собой естественный центр, а внешнеэкономическая сфера - область соприкосновения с противником, пусть условным. Соответственно, вся эта область оказывается ареной применения самых разнообразных тактических приемов и хитростей (стратагем), т.е. непременно так или иначе планируемых действий. При этом с китайской стороны выступает, как правило, несколько участников, а значит почти всегда решение принимается центром (не важно на каком уровне) с учетом коллективных интересов и по существу является политическим.

Принцип срединности просматривается и во внутривнутриполитическом курсе. Скажем, та часть руководства КНР, которую за рубежом страны часто квалифицируют как

⁴⁵ Малявин В.В. Феномен синкретических религий в Китае// Проблемы Дальнего Востока. 1997. №1. С.115.

"реформаторов", представляет собой периодически убираемый "за ошибки" авангард, за которым двигаются основные - срединные - силы. "Срединность" отчетливо выступает и в территориальном, геометрическом измерении экономического и политического курса. Центральные районы страны, ее столица, сам Китай среди соседей остаются носителями главных ценностей, но при этом не обязательно богатства, излишества. "Срединность" естественным образом предполагает наличие единого центра управления хозяйством, отношения соподчинения с региональными столицами и уездами. В связи с ростом экономической дифференциации провинций роль центра в решении некоторых вопросов возросла. В частности, из-за сокращения числа финансовых доноров среди регионов Китая дотируемое большинство добивается усиления центра, увеличения его бюджета.

Слово "китаецентризм" нередко употребляется с негативным оттенком, в том числе в российской научной и широкой печати. На сей счет России, по-моему, не следует особенно беспокоиться. Здесь, быть может, уместно вспомнить, что в традиционном Китае проводилась существенная разница между ближними и дальними варварами: только на ближних, в частности, распространялось воздействие моральной силы Дэ и их в соответствии с канонами полагалось мирно просвещать. Помимо прочего, описанная традиционная парадигма имеет и вполне современное воплощение в идее приоритета "мирного международного окружения", т.е. преимущественного внимания к сопредельным с Китаем странам в развитии политических и экономических отношений. Наконец, не стоит забывать и то, что Пекин в 90-е годы не проявил стремления к эксплуатации экономических слабостей РФ.

При внимательном рассмотрении очевидным становится прочное единство принципов "опоры на собственные силы" и "срединности" (стратегии и политики). Принцип же совмещения на практике выступает как важное условие придания системе необходимой гибкости, изменчивости. Ясно также, что эти принципы предполагают сохранение ведущей роли государства в управлении хозяйством.

§ 2. Роль политических мотивов

Весьма продуктивной с точки зрения понимания одной из важных причин хозяйственного подъема Китая представляется недавно высказанная А.В.Меликсетовым мысль. Известный синолог-историк считает неверным бытующее представление, что в КНР "начали с экономики". По его мнению, в конце 70-х годов в этой стране произошел прежде всего политический поворот (и даже "переворот"), связанный с возвращением из деревенской ссылки к работе и власти 20 млн. горожан. По-видимому, мировоззрение и энергия этих людей сыграли немалую роль в хозяйственных преобразованиях, изменениях политического курса. Можно, как мне представляется, и обозначить очень важный пункт в указанном перевороте или решительном изменении политики: она с конца 70-х годов, наконец-то, стала более адекватно отражать интересы самого многочисленного общественного класса, и государство обрело опору в массовом социально-экономическом укладе⁴⁶. Похожая точка

⁴⁶ Меликсетов А.В. Доклад на конференции "20 лет реформ в Китае". М.: Институт стран Азии и Африки при МГУ. 1999.

зрения (о примате политики в экономических успехах Китая) выражена международником О.Л.Остроуховым⁴⁷.

Вместе с тем, на мой взгляд, неверно сводить дело к переносу в стратегию развития страны "рыночной стихии", присущей, по мнению А.В.Меликсетова и некоторых других специалистов, крестьянству. Отношение последнего к рынку носит все-таки двойственный характер, точно подмеченный А.С.Мугрузиным, О.Е.Непомниным и другими китаеоведами-экономистами. Помимо прочего, китайское крестьянство исторически прошло через опыт двойной эксплуатации рынком: оно несло потери сначала при продаже урожая, а затем при приобретении продовольствия, семян и пр. Крестьянину рынок выгоден, если, помимо прочего, есть регулирование, обеспечивается относительная стабильность цен, позволяющих рассчитать посев, урожай, затраты на средства производства и т.д. Быть может, важнее заметить другое - действительные масштабы воздействия аграрной сферы Китая на всю совокупность материальных условий и политики в этой стране, формирование национальной психологии. Не случайно, один из наиболее квалифицированных западных международников Д.Шамбо предпринял в середине 90-х годов крупное и длительное политологическое исследование именно в китайской деревне. Среди наблюдений этого специалиста стоит отметить вывод о постепенности в решении проблем, склонности к стабильности и миролюбию как традиционных свойствах крестьянского

⁴⁷ Остроухов О.Л. Внешняя политика Китая в годы реформ и перспективы ее развития// Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3.

менталитета, перекочевавших во внешнюю политику Пекина 80-90-х годов.

Хозяйственная деятельность китайского крестьянина исторически особенно сильно зависит от привходящих природных обстоятельств: в политико-практической области это выливается в коллективизм (которого требуют, помимо прочего, задачи поддержания производственной и социальной инфраструктуры на селе), вариативность расчетов, заставляет принимать дополнительные предосторожности, создавать крупные запасы (в КНР бюджеты всех уровней предусматривают резервы на случай стихийных бедствий), предусматривать последствия и собственных действий, и стихии. Этот тип поведения хорошо прослеживается и во внешнеэкономической области, которая теперь, кстати сказать, куда прочнее и непосредственней связана с агросферой, чем два десятилетия назад. Некоторые из перечисленных черт крестьянского менталитета проявляются и во внешнеэкономической политике. Фундаментальное сходство нередко заключается в том, что в обоих случаях находящиеся вне контроля внешние воздействия приобретают образ стихии, борьба с проявлениями которой нередко может хорошо вписаться в привычные национальные способы преодоления бедствий.

Кстати, с теоретической точки зрения и агросфера, и внешняя торговля зачастую выступают как носители второго из выделенных Н.Д.Кондратьевым типов экономического поведения: минимизации затрат (первый - максимизация результата). Для обеих сфер стандартна ситуация количественно ограниченного сбыта, чрезмерности усилий, которые приходится прикладывать для его расширения и одновременно - существования альтернативной

возможности непосредственно удовлетворить потребности путем самообеспечения.

Приверженность каким-либо принципам мало чего стоит, если не определены соотношения между ними и социально-экономическими условиями страны. Соответствие внутренним условиям многих из описанных выше установок, их тесная связь с крестьянским менталитетом проявляются еще в одном важном свойстве китайской политики: пропорциональность выступает в ней как постоянное требование к экономической политике, субъектам управления. Императив пропорциональности ясно выражен, например, в регулировании иностранных инвестиций: провинции, города, СЭЗ, центральные министерства и государственные компании уполномочены принимать решения в строго определенных количественных и отраслевых рамках. Сопоставимость партнеров с обеих сторон - важное требование к совместному с иностранным капиталом предпринимательству (по этому поводу в печати нередко приводится поговорка "лучше быть головой петуха, чем хвостом коровы").

Почти каждая известная политическая установка имеет в КНР соответствующее разъяснение в нумерологических и количественных терминах, выделение главного и второстепенного. Критерии пропорциональности, например, хорошо заметны в обосновании идеи "одно государство - две системы": "Мы считаем, что капитализм на небольшой части территории способствует развитию социализма". В целом же почти весь набор основных официальных внешнеполитических концепций современного Китая: пять принципов (взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности; взаимного ненападения; взаимного

невмешательства во внутреннюю политику; равенства и взаимной выгоды; мирного сосуществования), идея создания пояса "мирного окружения" вокруг страны, борьба на новый международный экономический порядок, видение мира как многополярного, а земного шара -как одной деревни и т.д. - обнаруживает при ближайшем рассмотрении тесную связь не только с традицией, крестьянской психологией, но и с привычной национальному характеру последовательностью, неторопливостью, умением подчинить краткосрочные цели долгосрочным. Приверженность пропорциональности, в свою очередь, сближает политические понятия с экономическими категориями. Во внешнеэкономической политике идея пропорциональности представлена, в частности, исключительно высокой степенью ее географической диверсификации, ставшей одним из факторов, смягчивших воздействие азиатского кризиса 1997-1998 гг. (приложения, табл. 3 - 5).

Политические установки, касающиеся собственно внешнеэкономической сферы, теперь часто включаются китайскими авторами в число компонентов так называемой мягкой среды, т.е. совокупности нематериальных условий, характеризующих уровень развития отдельных регионов (к другим компонентам "мягкой среды" относят законодательную базу, наличие квалифицированных кадров, а также государственные планы развития).

В силу все более очевидной противоположности реализуемой в Китае политики, с одной стороны, и так называемых деполитизированных подходов к внешнеэкономическим связям, преобладающих в большинстве "переходных" стран, с другой, представляется особенно важным остановиться на некоторых

вопросах терминологии и создаваемых с ее помощью псевдообщностей, вроде "реформирующихся (либерализующихся) России и Китая". В частности, стоит обратить внимание на то, что современная китайская терминологическая шкала, как правило, содержит четкие политико-географические градации понятий интеграции, регионализации, интернационализации. Например, выражение "интеграция в мировое хозяйство" встречается в китайской научной литературе по внешнеэкономическим проблемам страны исключительно редко. И действительно, этот привычный российскому читателю аналогичных публикаций штамп не продуктивен, когда начинаешь прикладывать его к современному положению Китая в международном разделении труда.

Когда же основным свидетельством и критерием углубления такой "интеграции" считают лавину предпринимательских инвестиций, устремившихся в КНР в середине 90-х годов, то сразу возникает "парадокс Сянгана". Я имею в виду тот простой факт, что с восстановлением китайского суверенитета над этой территорией в 1997 г. исчезли основания для квалификации в качестве "иностранных" большей части капиталовложений, поступивших и продолжающих поступать в хозяйство КНР. Они перешли в разряд внутренних инвестиций в широко (или строго) понимаемой экономике Китая. И дело не только в формальной и статистической стороне проблемы. Уже в 80-е годы немалая часть гонконгских инвестиций в хозяйство КНР (а это основная часть притока капитала) представляла собой транзитное движение средств, источниками и организаторами которого нередко были государственные предприятия в самой КНР и Гонконге. Несомненно, в 90-е годы этот транзит еще увеличился, составляя, по

некоторым приблизительным оценкам, около 20-30% упомянутого инвестиционного потока.

Примерно так же обстоит дело с движением товаров. И реэкспортные операции Гонконга (их доля в экспорте территории выросла с 30% в 1980 г. до 80% в 1997 г.) и обработка грузов в порту специального административного района (САР) часто связаны с межрегиональной торговлей внутри страны. К тому же нередко все операции по внешнеторговому обслуживанию грузов, включая кредитование и оформление сделок, выполняются принадлежащими КНР государственными организациями и банками, расположенными в Сянгане.

Вплоть до перехода под суверенитет КНР Гонконг, хотя и в убывающей степени, вполне справедливо рассматривался большинством исследователей как важный инструмент вовлечения Китая в мировое хозяйство. По-видимому, так считали и в самом Пекине. Тогда поддержка хозяйства территории, несомненно, входила в число стратегических приоритетов. Однако в нынешних условиях - после восстановления суверенитета КНР над территорией - ситуация начинает меняться. Стратегическим приоритетом стал Тайвань, а получив в последние три года многочисленные подтверждения внешнеэкономической полноценности хозяйства страны в целом, Пекин еще менее склонен рассматривать рост открытости страны как безусловное благо. Сянган на глазах теряет свою привлекательность в качестве "окна в мир" и вынужден уже, в свою очередь, активно бороться за место во внутрикитайском разделении труда, в том числе сохранение роли перевалочной и реэкспортной базы.

Таким образом, достаточно исключить "интеграцию в мировое хозяйство" из современных целей Пекина и признать за стратегией и политикой последнего способность к действительной интеграции Сянган и Макао (уже состоявшейся) и Тайваня (возможной), чтобы правильно понять реальные и обозримые в будущем границы китайской экономики. И не столько как "неотъемлемой части мирового хозяйства" - этот штамп также мало о чем говорит, сколько в качестве достаточно обособленной от него системы, уверенно втягивающей в себя упомянутые территории.

В пользу необходимости очень осторожного употребления термина "интеграция" применительно к внешнеэкономической политике Китая приведу одну цитату: "КНР не может позволить себе выйти на мировой рынок без тщательного учета риска и опасностей, которые подстерегают ее там". Казалось бы, этим строкам лет пятнадцать-двадцать. Между тем они были произнесены китайским лидером Цзян Цзэмином на сессии ВСНП в марте 1998 г., когда уже было ясно, что КНР сравнительно благополучно преодолела очередной виток азиатского кризиса (в первом квартале года были отмечены, в частности, достаточно высокие темпы роста экспорта).

Говоря о транспотоках в широко понимаемой китайской экономике, а также за пределами "Большого Китая" (КНР и территории - Сянган, Тайвань, Макао), следует, по-видимому, выделить двух главных их носителей. Это торгово-финансовый китайский капитал (из Сянгана, ЮВВА, ряда развитых стран) и государственные организации КНР. Их взаимодействие, переплетение достаточно сложны. И все же именно условия в массиве китайского хозяйства, а стало быть, и роль организаций КНР являются определяющими, более того, усиливались с

развитием кризиса 1997-1998 гг. и по мере выхода из него. Объясняется это тем, что иностранный и квази-иностраный капитал хуацяо и тунбао(жителей территорий) представлен в КНР главным образом прямыми инвестициями. Поэтому к складывающимся с ним отношениям вполне применима характеристика деятельности ТНК в развивающихся странах, данная профессором Г.К.Широковым: "Что же касается производительного капитала, то, по-видимому, термин «интернационализация» расширительно трактует происходящие процессы. Дело в том, что само перемещение производительного капитала за рубеж свидетельствует о наличии в мировом хозяйстве национально обособленных воспроизводств, отличающихся друг от друга по тем или иным параметрам. Но попадая в эту национально-обособленную среду, перемещенный капитал производительного типа может воспроизводиться в расширенном виде только в том случае, если он приспособляется к ней"⁴⁸. Таким образом, применительно к современному Китаю не только об интеграции с мировой экономикой, но даже об интернационализации хозяйства - ее обычно связывают с массированным импортом предпринимательского капитала - можно говорить лишь с очень большой натяжкой. Правомернее выглядит тезис о китаизации зарубежных инвестиций.

Более того, соразмерность партнеров по инвестиционному сотрудничеству, нередко их общая зависимость, например, от кредитов (гарантий) крупных банков КНР, позволяет во многих случаях квалифицировать привлеченный капитал как периферийный с точки зрения китайского хозяйства. В итоге переворачивается и

⁴⁸ Широков Г.К. Парадоксы эволюции капитализма. М.: Институт востоковедения. 1998. С.45.

привычное представление о периферийном месте в мировой экономике принимающей капитал развивающейся страны. С этой точки зрения Китай, по-видимому, быстро преодолел соответствующий этап - причем не только в результате социально-экономических достижений и огромных масштабов хозяйства, но и во многом благодаря точно рассчитанной политике. Она, в частности, послужила расширению границ китайской экономики и беспрецедентному в новейшей истории мирному присоединению к относительно отсталой стране сравнительно крупного развитого анклава. Пекин своей политикой в отношении Сянгана, можно сказать, реализовал одну из самых почитаемых в традиции стратагем: "получить нечто из ничего" (у чжун шэн ю).

Длительная стагнация в Японии, недавний кризис в ряде НИС, с одной стороны, и продолжающийся рост в Китае и Индии - с другой, могут свидетельствовать также о складывающихся в современном мире на данном этапе дополнительных преимуществах очень крупных национальных хозяйств, в которых последовательно проводится стратегия самообеспечения. По-видимому, мы в результате имеем дело с временно нарастающей исчерпанностью относительно открытых экономических моделей, ориентированных на интеграцию - в противовес протекционистской адаптации, особенно ясно наблюдаемой в КНР и Индии. В пользу данного предположения свидетельствует также один факт, характеризующий ситуацию в относительно сопоставимых между собой "переходных" государствах: экономические результаты в 90-е годы часто оказывались лучше в странах, не имеющих выхода к морю, то есть там, где интеграция в мировую экономику затруднена по определению (Словакия - Болгария, Белоруссия - Украина,

Узбекистан - Казахстан). Преимущества протекционизма и самообеспечения особенно четко проявились в ходе азиатского кризиса 1997-1998 гг.

Поэтому вряд ли можно согласиться со следующими констатациями и выводами: "Опыт Китая в области реализации внешнеэкономической стратегии свидетельствует о том, что странам с переходной экономикой, проводящим относительно либеральную и достаточно гибкую внешнеэкономическую политику, предусматривающую активное включение основных отраслей производства в международное разделение труда и достижение более глубокой степени вовлеченности национального хозяйства в мирохозяйственные связи, удастся достичь более высоких показателей экономического развития, чем государствам, практикующим жесткий контроль над внешнеэкономическим сектором экономики". "Китай сумел быстро и на хороших условиях интегрироваться в международные рынки капиталов". "Россию и Китай как страны с переходной экономикой объединяет подход к АТР"⁴⁹. Вряд ли можно согласиться и с тезисом о "системообразующем воздействии внешнеэкономических связей на хозяйства России и КНР", предложенным В.В.Карлусовым⁵⁰. И наоборот, представляются оправданными оговорки (кавычки) при

⁴⁹ Потапов.М. Внешнеэкономическая стратегия Китая: значение китайского опыта для России// Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 2. С.77, 81; Потапов М. Внешнеэкономическая политика КНР: проблемы и противоречия. М.: Буква, 1999. С. 27.

⁵⁰ Карлусов В.В. Внешнеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации// Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 3.

квалификации внешнеэкономической политики КНР как "политики открытости", а хозяйства этой страны как "открытой экономики"⁵¹.

Представляется, что Китай скорее следует отнести как раз к государствам "практикующим жесткий контроль над внешнеэкономическим сектором экономики", а "гибкость" внешнеэкономической политики этой страны не стоит противопоставлять жесткости и контролю: она не исключает возможности сокращения сфер открытости на тех или иных направлениях, в том числе - по политическим причинам. Вряд ли можно говорить и об интеграции КНР (валюта которой не конвертируема по капитальным операциям) в международные рынки капиталов. "Общность в подходах РФ и КНР к АТР" - весьма туманный тезис, а его подтверждения не стоит искать в "переходности" этих стран и т.д. Все отмеченные выше цитаты можно отнести к некоторым некрупным странам и территориям ЮВВА или, скорее, восточноевропейским странам, однако они ни в коей мере не характеризуют действительное положение дел в китайской экономике, особенности участия КНР в мировом хозяйстве. Нужно также иметь в виду, что внешнеэкономическая политика НИС прошла в своем развитии несколько этапов, которые не остались незамеченными китайскими исследователями. Они, кстати, анализировали опыт этих стран и территорий во основном в связи с разработками по СЭЗ. "Изучая опыт «четырёх маленьких драконов» и учитывая все его положительные и отрицательные особенности, - отмечал в 1988 г. китайский экономист Хуан Жуань, - необходимо как можно быстрее усовершенствовать *систему*

⁵¹ Мозиас П.М. Либерализация инвестиционного режима: опыт Китая// Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4. С.84, 95.

политических установок (курсив мой - А.С.) в процессе развития в СЭЗ ориентированной вовне экономики. Опыт этих «драконов» свидетельствует, что они в разработке политики, способствующей такому развитию, прошли три этапа. Первый - принятие стратегии импортзамещения и осуществление контроля над импортом и иностранной валютой; второй - всемерное развитие переработки сырья и материалов иностранных заказчиков и реэкспортной торговли, использование стратегии индустриализации, ориентированной на экспорт; третий - принятие стратегии, предусматривающей поощрение импорта, ускорение либерализации торговли и валютного регулирования. СЭЗ Китая в процессе развития ориентированной вовне экономики, конечно, не должны полностью повторять этот путь. Приемлемо, например, поощрение поручительской переработки и широкое развитие реэкспортной торговли"⁵².

К чему в конце XX в. могут привести несбалансированные установки на интеграцию в мировой рынок в ходе непродуманной (или навязанной извне) либерализации внешней торговли хорошо показывают данные по Боливии и России (табл. 3, 4) - примечательно, что в обеих странах в числе зарубежных экономических советников был Дж.Сакс. Замечу для сравнения, что доля готовых изделий в китайском экспорте в 1985-1994 гг. выросла с 49 до 80%, а в конце

⁵² Хуан Жуань. Вого цзинцзи тэцуй фачжань чжаньлюэ яньцзю (Исследование стратегии развития СЭЗ в нашей стране)// Цзинцзи вэньти таньсо. 1988. № 7. С.8.

Таблица 3

Структура боливийского экспорта, %

Статьи экспорта\Годы	1976-1980	1988-1992
Сырьевые товары	33,5	32,2
Полуфабрикаты	24,9	46,3
Готовые изделия	41,1	21,3
Прочие	0,5	0,2
Всего	100,0	100,0

Источник: Rhys Jenkins. Trade Liberalization and Export Performance in Bolivia// Development and Change.The Hague. October 1996. P.699.

Таблица 4

Доля экспорта в производстве отдельных товаров в РФ (%)

Товары\Годы	1994	1995	1996	1997	1998	1999*
Нефть	40,2	41,0	43,0	42,7	46,6	48,1
Нефтепродукты	25,4	26,1	32,4	34,0	32,8	34,4
Природный газ	30,4	32,3	33,0	36,9	35,6	34,9
Минеральные удобрения	70,4	74,0	75,0	72,0	72,8	73,0
Круглый лес	11,9	15,9	17,6	22,5	26,6	31,6
Пиломатериалы	20,5	17,2	13,3	17,2	17,0	16,1

* Первое полугодие. Источник: БИКИ. 02.09.1999. С.2.

последнего десятилетия века приблизилась к 90%. России же в отличие от Боливии не удалось прибавить даже в вывозе на мировой рынок полуфабрикатов.

Короче говоря, политические факторы остаются преобладающими в развитии внешнеэкономических связей Китая.

Другое дело, что в политике скрупулезно учитывается роль экономических условий внутри страны и за ее рубежами и ее осуществляет государство, организационные структуры которого в рассматриваемой сфере существенно модернизированы в последние два десятилетия. Однако эта модернизация не изменила жестких иерархий, соподчинений, стройности и т.п. свойств, обеспечивающих, помимо прочего, функциональную адекватность нынешней системы ухудшающимся общим условиям в мировой экономике и торговле, а также задачам повышения качества участия страны в мировом хозяйстве.

Китайская стратегия и политика, разумеется, не исчерпывается отмеченными выше принципами. В связи с этим замечу, что иные славословия в адрес китайских реформаторов весьма затуманивают действительную картину внешнеэкономических и хозяйственных успехов Китая. Рассуждения по поводу гениальности "теории кошки" ("мао лунь"), или "теории нащупывания (камней)" ("мо лунь"), обильно представленные в российской прессе и научных изданиях, обедняют, примитивизируют, сводят к голому эмпиризму китайскую стратегию и политику, в том числе мирохозяйственную. На Западе, в позднем СССР и новой России явно недооценили степень научной разработанности взаимосвязанного комплекса - стратегии, политики и практики в КНР, в том числе вопросов координации мирохозяйственного курса с общей экономической

стратегией и внешней политикой. Заодно были упущены из виду теоретические достижения китайской политэкономической мысли и социологии, идеологии и пропаганды, во многом определившие феномен массового рационального поведения субъектов хозяйства. Они остались отзывчивыми к регулированию социально-экономической деятельности политическими средствами, в том числе выверенным временем и более современным установкам.

Качественный сдвиг в положении Китая в мировом хозяйстве, произошедший во второй половине 90-х годов, проявляется, на мой взгляд, и в существенном изменении соотношения "объект - субъект", если иметь в виду взаимодействие этой страны с другими государствами, крупным иностранным капиталом и т.п. Очевидно, что КНР в растущей мере становится активным субъектом мировой экономики, оказывая на последнюю значительное прямое и косвенное влияние.

На первый взгляд, вопросы формирования и эволюции мирохозяйственной стратегии и внешнеэкономической политики Китая в последние 25 лет лежат несколько в стороне от тематики, связанной с глобализацией, информационной революцией и родственной ей постиндустриальной проблематикой. Если оглянуться назад, то и вовсе искусственной может показаться связь между рождавшимися в западных университетах на рубеже 70-80-х годов представлениями о новом обществе или этапе в его развитии (научно-техническом, постиндустриальном, информационном, посткапиталистическом и даже постэкономическом - единого названия ему еще не определили), с одной стороны, и политическими установками Пекина, в том числе на ограниченное

открытие страны, с другой. Идеологический разрыв между КНР и миром развитых стран представлялся тогда огромным.

Нынешние, вроде бы сугубо аграрно-индустриальные достижения Китая, казалось бы, тоже далеко не всегда вписываются в тенденции и траектории, характерные в прошлом для западных и большинства новоиндустриальных стран. Соответственно, хозяйственная политика КНР - внутренняя и внешняя - нередко предстает на страницах самых разных изданий как некий архаичный антипод всевозможных модных построений, включающих, помимо "участия в глобализации", "постиндустриальность", "создание новых демократических институтов", "открытие общества" и т.п. Редко кому приходит в голову прямо обозначить внешнеэкономическую политику и мирохозяйственную стратегию Китая как удачную и прежде всего политическую реакцию на глобализацию, ведущую к постепенной активизации роли страны в этом процессе.

"Пространство не является научным объектом, удаленным от идеологии и политики; оно всегда было политическим и стратегическим. Если пространство имеет видимость нейтральности и безразличия к своему наполнению...это происходит именно потому, что оно занято и используется...Пространство формируется историческими и природными элементами, но это политический процесс. Пространство - политическая и идеологическая категория", - отмечал в начале 80-х годов известный французский географ Г.Лефебвр⁵³. Это положение вполне современно - во всяком случае в конце 90-х годов многие ученые считали фактом резкое усиление политической и идеологической борьбы в современном мире. В

⁵³ Цит. по: С.Б.Лавров, Г.В.Сдасюк. Этот контрастный мир. М.: Мысль, 1985. С.23.

отличие от лидеров большинства "переходных" стран руководство КНР в последние два десятилетия, как известно, не спешило с "деполитизацией" и "деидеологизацией" страны, модернизируя или традиционализируя наиболее неудобные ценностные ориентиры недавнего прошлого. Во многом это облегчило относительно безболезненное приспособление к новым мировым тенденциям в 90-е годы.

При этом китайская внешнеэкономическая политика не только чутко реагировала на процессы глобализации, которые в Китае обычно связывают с новой технологической (технической), реже - информационной революцией. Мировоззственный курс оказался мощным рычагом приобщения КНР к достижениям научно-технического прогресса и в известном смысле - инструментом создания необходимых для этого заделов в китайском обществе. Замечу, что сама мировоззственная стратегия Китая содержит в себе бурно прогрессирующий элемент глобальности. Он особенно заметен, если иметь в виду информационное и научное обеспечение проводимой политики, включая теоретические изыскания. Уже в 80-е годы произошел гигантский сдвиг в числе и качестве публикаций, посвященных экономическому опыту зарубежных государств. В научной разработке политики с самого начала принимали участие институты АОН КНР, а также исследовательские учреждения других ведомств. Только за последние восемь лет в Китае создано 22 государственных научно-исследовательских института, занимающихся прогнозированием в различных областях знаний. Так или иначе исследования включают мировоззственную проблематику. С этой точки зрения внешнеэкономическая политика КНР, например, очень выгодно отличается от курса отдельных стран

Запада и Востока, позднего СССР и тем более нынешней России. Подчеркну, что имея под боком Гонконг, значительный опыт работы на самом либеральном пятачке азиатского хозяйства, а также мощную прослойку лояльных Пекину предпринимателей и финансистов, руководство КНР, несомненно, обладает и высококачественными знаниями о практике мирового хозяйства. Тем не менее страна не пошла и до сих пор не идет на открытие экономики, сколько-нибудь сопоставимое с теорией и практикой свободы торговли.

В связи с этим стоит отметить, что и международный курс Китая два десятилетия назад впервые в истории страны стал предметом научного анализа и дискуссий, соответствующие разработки ученых нередко воплощались в официальную линию. На рубеже 70 - 80-х годов в Китае создаются или возобновляют работу научно-исследовательских учреждения, занимающиеся проблемами международных отношений, в том числе: Институт современных международных отношений при Госсовете КНР; Институты международных проблем в Шанхае и Пекине (МИД КНР); пекинский Институт международных стратегических исследований, связанный с Министерством обороны и Генеральным штабом НОАК, а также исследовательские институты АОН КНР. В 1982-1983 гг. в целях координации внешнеполитических исследований при Госсовете КНР создается Центр исследований международных проблем во главе с Хуань Сяном. С начала 80-х годов в Китае увеличивается количество научных изданий, посвященных вопросам внешней политики КНР и международных отношений (с 1981 г. возобновляется издание журнала "Гоцзи вэньти яньцзю", начинается издание журнала "Сяньдай гоцзи гуаньси", выходявшего

до 1985 г. нерегулярно, а с 1986 г. - ежеквартально и т.д.). Нынешняя внешняя политика КНР продолжает обновляться, и в значительной своей части строится на развитии концептуальных подходов 80-х годов. Примечательно, впрочем, что уже тогда, еще до коллапса социалистической системы и распада СССР, китайское руководство, как представляется, выработало достаточно продуктивную парадигму отношений КНР с внешним миром, вполне оправдавшую себя в драматичных обстоятельствах начала 90-х годов. Процесс модернизации внешней политики Китая в 90-е годы был постепенным, что характерно и для китайских реформ. Во многом его ход представлял собой достройку сооружения, состоявшего из проверенных историей элементов и конструкций.

Существенной особенностью китайской внешней политики остаются постоянный поиск несиловых, достаточно экономных и вместе с тем эффективных, не исключающих жесткости решений, а также упор на индивидуальные отношения с отдельными государствами. Соответственно, немалая часть аналитической работы при подготовке тех или иных дипломатических ходов посвящается рассмотрению существующих в мире противоречий, возможности их использования в интересах страны. Китай крайне редко сам выступает с какими-либо крупными международными инициативами. Обыкновенно эта страна не торопится и с оценками мировых событий, часто занимая выжидательные или нейтральные позиции. Эволюцию китайской внешней политики в последнее двадцатилетие можно с некоторой долей схематизма представить в виде нескольких продолжающихся трансформаций и меняющихся соотношений, имея при этом в виду существенную разницу в обеспечивающей национальную независимость "статике" внешней

политики и ее "динамике", ориентирующейся на поддержание процесса социально-экономического развития.

Многие черты современного международного курса Китая сближают его с внешнеэкономической политикой этой страны. Для последней характерны постоянная игра на противоречиях между конкурентами, рассредоточение зависимости от критически важных поставок (стратегического сырья, топлива, технологий) по максимально широкому кругу контрагентов. Международный курс КНР, как нам представляется, нередко отражает эту же логику, регулируя (повышая и понижая) уровень и плотность связей с отдельными зарубежными государствами, финансовыми организациями, ориентируясь на высокую диверсификацию внешнеполитических отношений и т.д.

Китайскому руководству удалось, помимо прочего, довольно четко провести различие между реальным содержанием процессов глобализации, развернувшихся в 70-80-е годы, и их политико-идеологическим сопровождением. В Пекине достаточно скоро увидели, что сама идеология современного западного общества как социума постиндустриального, информационного и т.п. базируется в том числе и на резком усилении в битвах за внутренние и внешние рынки политических средств, коими в конечном счете являются рекламно-маркетинговые кампании, экологические стандарты, риторика о "постиндустриальности" и т.д. Нараставшая в последние десятилетия гипертрофия сферы обращения (по расчетам журнала *The Economist*, ее доля в цене товаров с 20% в начале 70-х годов поднялась до нынешних 45-50%) еще более повысила роль субъективных, политических факторов.

К тому же при тщательном рассмотрении то, что принято называть "глобализацией", обнаружило себя в 90-е годы не столько как усиливающееся экономическое явление (особенно, если говорить о связях развитых и прочих стран), сколько в качестве политико-пропагандистского и рекламно-идеологического наступления развитых стран ("вестернизация"). В немалой степени это было связано со сдвигами в хозяйстве западных стран, их консолидацией, а также продолжавшимся гипертрофированным развитием сферы обращения, дальнейшим усилением роли СМИ в освоении рынков и закреплении на них. Западная же риторика о глобализации, послужившая, как считает И.Валлерстайн, одной из внешних причин развала социалистического лагеря в Европе и распада СССР⁵⁴, уже в 80-е годы потребовала от Китая выработки соответствующих теоретических и идеологических инструментов противодействия деструктивному влиянию извне. Поэтому страна оказалась более подготовленной к событиям 90-х годов.

Среди таких инструментов следует особо упомянуть идею многополярного мира, разработанную китайскими международниками в середине 80-х годов. Она оказалась весьма плодотворной как в аналитическом плане, так и с точки зрения выработки конкретных политических мер - в том числе во внешнеэкономической области. В частности, в рамки данной концепции хорошо укладывалась практика широкой географической диверсификации хозяйственных связей с зарубежными государствами - в том числе для преодоления избыточной зависимости на тех или иных направлениях, а также выраженный

⁵⁴ Wallerstein I. The World We Are Entering, 2000-2050. Discussion Notes. Schengen, Luxembourg. June 4-5, 1999. P.9-10.

индивидуальный подход к отдельным странам, оставляющий простор для политических маневров, использования с выгодой фактора допуска на крупный внутренний рынок зарубежных товаров и капитала.

В последние годы КНР особенно искусно использует в политических маневрах магнетизм своего быстро растущего внутреннего рынка и уже очень нередко воздействует на крупных партнеров не "пряниками" в виде крупных контрактов, а их демонстративным размещением в третьих странах - как это, например, было с закупками гражданских самолетов в ЕС перед переговорами с США о вступлении в ВТО осенью 1999 г.

Представляется, что главные стратегические мотивы КНР носят на современном этапе и еще долго будут иметь сугубо оборонительный характер. Сохраняющееся отставание от экономически более успешных соседей в Восточной и Юго-Восточной Азии, равно как и динамичный собственный рост в последнее десятилетие дают Пекину и ясные цели и вполне оправданные надежды на их достижение. Наличие же крупных внутренних проблем развития - межрегиональных разрывов, экологии, бедности и т.п. (как и возможность их постепенного решения) также определяют долгосрочную заинтересованность страны в стабильном внешнем окружении, что, кстати, постоянно подчеркивается китайской дипломатией и фиксируется в различных двусторонних и многосторонних соглашениях, среди которых стоит особо отметить Шанхайское заявление Китая, России, Казахстана, Киргистана и Таджикистана (1996).

Международный курс Китая менее всего подвержен мотивам самооценности расширения связей с внешним миром, интеграции в

"цивилизованное" сообщество и т.п. По-существу - это оборонительная, консервативная, охранительная политика, вытекающая из объективных внутренних и международных условий, экономической и культурной самодостаточности. Кроме того, именно оборона (впрочем, весьма активная) сейчас наилучшим образом сочетает задачи обеспечения суверенитета с сохранением высоких темпов роста, достигнутых на эндогенной основе.

Китай в последние два десятилетия проводил ярко выраженную протекционистскую политику, ориентированную на создание комплексного и самодостаточного хозяйства. И в наши дни экономическая глобализация (цзинцзи цюаньцюхуа) обычно рассматривается китайскими международниками как нечто внешнее по отношению к Китаю, а также как явление, которое содержит одновременно вызовы (угрозы) и новые возможности для хозяйства. В связи с недавними кризисами в Азии и Латинской Америке в КНР все чаще акцентируют задачу защиты от неблагоприятных внешних воздействий и укрепления валютно-финансовой системы страны⁵⁵.

Способность государства проводить последовательный и органично связанный с внутренней жизнью мирохозяйственный и внешнеполитический курс оказывается в условиях постиндустриального "лидерства" существенным преимуществом для стран, не торопящихся к форсированию кооперации с иностранным капиталом. В то же время, интенсивное

⁵⁵ Чжун Чжэньян. Чжэнцюэ жэньши вого лиюн вайцзы юй баоху миньцзу гунъе дэ гуаньси (Правильно уяснить соотношение между использованием иностранного капитала и защитой национальной промышленности)// Гуаньли шицзе. 1998. № 1.

взаимодействие с ним, которое в китайском случае во второй половине 90-х годов обнаружило тенденцию к быстрому росту кооперации с крупным капиталом, включая ТНК развитых стран, требует соблюдения пропорций между участниками, сопоставимости возможностей партнеров. Это, в свою очередь, стимулировало в КНР усиление централизованного начала во внешнеэкономической политике, активные организационные действия государства. Оно, продолжает играть важную непосредственную роль во внешней торговле. Характерно, что несмотря на массированный приток инвестиций из-за рубежа в 1996-1998 гг. стабилизировалась доля госпредприятий в экспорте и импорте (табл. 5). Доля частных китайских предприятий, которым с 1997 г. разрешают (в строго индивидуальном порядке) заниматься ведением внешней торговли, составила в первой половине 1999 г. примерно 0,3% экспортно-импортных операций КНР. Следует заметить, что характер непосредственного участия государственных промышленных предприятий в международной торговле резко отличается от модели, используемой совместными с иностранным капиталом компаниями: у первых доля в продукции компонентов, полностью произведенных в Китае, составляет 62,5%, у вторых - 14,6%⁵⁶. Особенно сильно распространены чисто сборочные ("отверточные") производства на юго-востоке страны - в провинциях Гуандун и Фуцзянь, а также в специальных экономических зонах, в зонах экономико-технического развития. Для того, чтобы составить более полную картину роли, которую государство продолжает

⁵⁶ 1999 Нянь Чжунго гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань баогао (Доклад о народнохозяйственном и социальном развитии Китая к 1999 г.)/ Под ред. Цзэн Пэйяня. Пекин, 1999. С.204.

играть в развитии внешнеэкономических связей необходимо упомянуть, что доля государственных организаций КНР в совокупном капитале совместных и полностью иностранных предприятий (участие в капитале китайских физических лиц, разрешенное только в 1997 г., пока носит исключительно редкий характер) оценивается примерно в 25-30%, соответственно, около 68-70% общего объема внешней торговли приходится на госсектор.

Таблица 5

Доля предприятий с иностранным участием во внешней торговле КНР (%)

Показатели\Годы	1985	1990	1992	1995	1996	1997	1998
Экспорт	1,1	12,6	20,4	31,5	40,7	41,0	44,1
Импорт	4,9	23,1	32,7	47,7	54,5	54,6	54,7

Источник: Юэ Фэнцин. Внешние факторы экономического развития КНР в 1978-1998 гг. Дисс. на соискание ученой степени магистра регионоведения. М.: ИСАА при МГУ, 1999. С.82; 1999 Нянь Чжунго гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань баогао (Доклад о народнохозяйственном и социальном развитии Китая к 1999 г.)/ Под ред. Цзэн Пэйяня. Пекин, 1999. С.204.

Заслуживает внимания то, что государство именно в последние несколько лет, особенно трудных для международной торговли, предпринимает активные шаги по реорганизации целого ряда национальных компаний с целью превращения их в своего рода аналоги ТНК, способные решать масштабные задачи на внутреннем и внешнем рынке. На этом направлении явно обозначилась тенденция к усилению регулирования, централизации и концентрации ресурсов, устранению избыточной конкуренции между отечественными промышленными, финансовыми и

торговыми гигантами, жесткому разделу внешних рынков сбыта и т.п.

Видный исследователь мирового хозяйства В.М.Коллонтай подчеркивает в своей недавней работе: "Реально на Западе происходит не сокращение экономической роли государства, а изменение его хозяйственных функций в сторону более активного участия в борьбе за мирохозяйственные позиции"⁵⁷. Похоже, что примерно такой же процесс происходит и в современном Китае.

⁵⁷ Коллонтай В.М. Мiroхозяйственный контекст экономических реформ// Общество и экономика. 1999. ¹ 12. С.144.